

И НИКОГО НЕ ОСТАЛОСЬ

Персонажи:

Семья Петровых, Ивановых или Сидоровых, мы точно не знаем. Из которых:

Мать Петров

Отец Петрова

Дети Петровы (Как в Библии)

Петровна

Профессор Штайзер

Дудович

Шустряк

ДЕЙСТВИЕ ОТКРЫВАЮЩЕЕ

К подъезду какого-то девятиэтажного дома, который на вид не отличить от других девятиэтажных домов на этой улице, в этом районе, этом городе и этой стране. Обычный девятиэтажный дом. И вот к подъезду этого дома подходит Профессор Штайзер, долго стоит возле подъездной двери, бубня себе под нос что-то вроде:

ПРОФЕССОР ШТАЙЗЕР. На самом деле за этим понятием скрывается вереница других понятий, впервые оно появляется в статье Альфреда Гейзера в 1839 году как реакция на происходившие тогда в стране погромы. В частности, реакцией на эти погромы местной интеллигенции руководствовался...

И он, набрав-таки код, заходит в подъезд и поднимается по лестнице медленно на девятый свой этаж. Следом идёт Дудович, напевая себе известный всем мотив, а какой именно, неизвестно. Дудович из длинного своего плаща достаёт подъездный ключ, подносит к кодовому замку, разносится известный каждому, живущему в этом подъезде, звук, Дудович открывает дверь, заходит внутрь и поднимается уже на лифте на седьмой, кажется, этаж. За Дудовичем следует семья Петровых, Ивановых или Сидоровых в количестве раз, два, три, четыре человека. Отец Петрова несёт три пакета из продуктового магазина, в правой руке два пакета, в левой один пакет и ещё сумка, на спине рюкзак. Мама Петров держит Петров за руки, говорит:

МАМА ПЕТРОВ (*Левому Петру*). Сейчас, подожди, я дверь открою.

С тем, чтобы освободить руку и ключ достать.

ПРАВЫЙ ПЁТР (*кричит*). Я сам, я сам, я код помню.

И, подбегая к двери, быстро набирает там код. Правый Пётр открывает дверь, Мама с Петром входит, Отец Петрова входит следом. Мальчик видит, что к дому идёт Петровна, держит ей дверь. Петровна, опираясь на палочку, идёт. Видя Петра, она говорит:

ПЕТРОВНА. Да ничего, Петь, я сама открою потом, беги домой.

Петя продолжает держать, Петровна повторяет:

ПЕТРОВНА. Ничего, Петь, я сама открою потом, домой беги.

Петя отпускает дверь, когда Петровна совсем уже почти подошла и бежит догонять семью, которая тем временем, кто на лифте (Мать с Отцом), кто пешком (Петя), поднялись на 5 этаж. Петровна останавливается перевести дыхание, расстилает на заборе возле подъезда газетку, присаживается на неё. Всё это время где-то вдалеке стоит Человек в форме полицейского военного или полицейского в штатском, словом, при исполнении, и наблюдает за разворачивающейся картиной. Из рации доносится:

РАЦИЯ. Один, один, это первый, приём, ну как там?

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Приём, приём, это Один, ещё двое осталось, жду.

РАЦИЯ. Принято, конец связи.

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Конец связи.

Мимо него как раз проходил молодой человек по кличке Шустряк. Шёл, как полагается, медленно, смотрел на небо, думал о дожде и о том, как вчера на перекрёстке или в автобусе или где-то встретил прекрасную девушку, и она ему улыбнулась. И вот как раз когда он проходил мимо Одина, он услышал Конец связи и спросил:

ШУСТРЯК. Что, совсем конец, что ли?

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Чего?

ШУСТРЯК. Да ничего, шучу, что вот связи совсем теперь не будет, что ли?

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Может, и не будет.

ШУСТРЯК. Ладно. Доброго дня.

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Дня.

Видя Петровну, Шустряк улыбается, здоровается, как положено не наркоману и не проститутке. Петровна, улыбаясь, говорит:

ПЕТРОВНА. Я же говорила, хороший мальчик, мне вот недавно сказали, что кто-то шприцы оставил использованные между восьмым и девятым этажом, скотина какая-то, но я им сказала, что ты хороший мальчик.

Шустряк, набирая код, заходит в подъезд и поднимается пол пролёта до квартиры на первом этаже.

Петровна повторяет:

ПЕТРОВНА. Хороший мальчик, я же говорила.

И, не дождавшись больше никого, встаёт с газетки, аккуратно её складывает, и, держа в одной руке газетку, а в другой ключ, который она достала из сумки, подходит к подъезду, открывает дверь, заходит, смотрит долго на лестницу, понимает, что сегодня не осилить, и поднимается на лифте на третий этаж. К закрытой двери подходит человек при исполнении, встаёт прямо рядом с ней.

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Первый, первый, приём. Я на позиции.

РАДИО. Принято, один, план Крепость.

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Принято, первый, конец связи.

На этом сцена заканчивается. И день тоже заканчивается. Семья Петровых накрывает на стол, укладывает детей спать, потом серия сериала, потом тоже спать. Профессор Штайзер до ночи разговаривает с экраном компьютера и тоже ложится спать, когда заканчивает. Дудович чистит зубы и сразу ложится спать, ему завтра рано вставать. Петровна мучается, кашляет, принимает таблетки, ворочается, но тоже рано или поздно засыпает. Шустряк лежит и смотрит в потолок. Когда он точно засыпает, непонятно, но понятно, что он точно засыпает, рано или поздно. Тишина. Только сотрудник, который при исполнении, не засыпает, ему не велено.

Рано или поздно Профессор Штайзер всё же выйдет из себя. Что будет делать Дудович, как воспримет новости Петровна, какие драмы произойдут в семье Сидоровых и почему парня с первого этажа называют Шустряк, хотя ходит он не очень-то и быстро, мы узнаем в следующем действии.

ДЕЙСТВИЕ СЛЕДУЮЩЕЕ

Рассветное утро, часов 7 по местному времени, солнце уже выглядывает из-за крыш девятиэтажных девятиэтажек. Возле нам знакомой девятиэтажки всё ещё стоит Человек в форме, тот же или уже другой, в форме не разобрать. Первым в доме просыпается Дудович, мы же помним, что ему рано вставать, вот он и встаёт. Чистит зубы, как перед сном, не торопясь надевает костюм-тройку или в крайнем случае двойку, если жилетки не оказалось, но однако же точно с пиджаком и штанами, иначе засмеют. Смотрится в зеркало возле выхода, улыбается с зубами, вспоминает, что забыл позавтракать, снимает пиджак и бежит на кухню. Петровна ворочается, Петровы пока спят, да и остальные все тоже спят. Дудович достаёт то ли сыр, то ли колбасу, откуда не видно, делает себе несколько бутербродов, быстро их ест, берёт с собой пару яблок и иных фруктов и возвращается к зеркалу. Бросает туда короткий взгляд, открывает дверь, забывая пиджак, выходит, пытается найти ключи, обратно заходит, достаёт ключи и запирает дверь. На шум реагирует Петровна негромким бубнежом. Дудович, понимая, что скоро начнёт опаздывать, быстро сбегает вниз по ступенькам, чем ещё больше раздражает Петровну, открывает быстро дверь со знакомым звуком, сильным движением толкает её и натывается на человека в форме, который преграждает ему путь.

ДУДОВИЧ. Разрешите пройти, пожалуйста, здравствуйте.

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Не разрешаю.

ДУДОВИЧ. В смысле?

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Не положено.

ДУДОВИЧ. Куда не положено?

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Выходить не разрешается, уровень опасности красный.

ДУДОВИЧ. И что это должно значить?

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Что выходить из дома нельзя.

ДУДОВИЧ. Но у меня сегодня встреча важная.

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Никому нельзя, так что встречи всё равно не будет.

ДУДОВИЧ. А когда можно будет?

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Когда можно будет, тогда выпущу.

ДУДОВИЧ. А вы можете мне бумажку какую-то официальную написать, что в связи с тем и с этим выход из дома гражданину Дудовичу был запрещён?

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Вот.

ДУДОВИЧ. Что это?

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Указ номер двадцать пять тысяч триста пятьдесят один о полном прекращении возвратного и безвозвратного движения в пределах открытых городских пространств на период, не ограничивающийся каким-либо заранее установленным количеством дней, в связи с опасностью нахождения в указанных пространствах граждан и неграждан, детей, собак, кошек и иных существ, перемещающихся по собственной воле. (Странная пауза) Женщин тоже. Подписано Президентом (Или иным лицом, осуществляющим верховные властные полномочия).

ДУДОВИЧ. А женщины почему отдельно?

Человек в форме грубо пихает Дудовича обратно в подъезд, закрывает дверь с характерным металлическим стуком. Петровна к тому моменту уже на телефоне.

ПЕТРОВНА. Слышала, по новому закону теперь женщина не человек и без мужа гулять нельзя.

Пауза, в которую кто-то в трубке что-то говорит.

ПЕТРОВНА. Ну. Я сама слышала. Своими ушами, да. Чего? Что? А?

Связь прервалась. Только экстренные вызовы. Петровна охает, ойкает, кряхтит и крикает. Идёт на кухню варить гречку с курицей.

ПЕТРОВНА. Это же надо, а! Надо же! Хороший мальчик! Жена, потому что она от мужа из *ебра* Адамова. Ну надо же...

Тем временем Дудович возвращается в квартиру и так и садится в костюме рядом с зеркалом. Указ, который он так и не читал, положил на тумбочку. Сидит молча.

Семья же Петров и Петровых потихоньку встаёт, детям скоро в школу, родителям на работу. Родители, спящие вместе, отправляют детей, спящих вместе, чистить зубы, а сами пока занимаются приготовлением завтрака. Муж садится на табуретку на кухне, Жена. А точно они Муж и Жена? Может быть. Словом, Женщина начинает готовить омлет, смешивает яйца с молоком. Мужчина же сидит и говорит.

МУЖЧИНА. Вот если бы тогда мой прадедушка не поехал покорять столицу, а твоя прапрабабушка не вышла замуж за военного, мы бы никогда и не встретились. Но вот, например, в каком ресторане кто кушал вроде значения не имеет. И можно, получается выбирать разные события и через

Но то, что он говорит, совсем не интересно, поэтому Женщина его не слушает и спокойно готовит омлет. Вот и мы не будем. Но ничего интересного пока не происходит, дети, дергая друг друга за футболки, ущипывая и смеясь, чистят зубы. Зубная паста уже на футболках и немного вокруг, но это не страшно. Профессор Штайзер спит, Шустряк тоже спит. Омлет уже на сковороде, а Мужчина в глубинах римской или какой-то другой империи, рассуждает, что

было бы, будь он патрицием, а он непременно был бы патрицием, потому что как иначе. Какие проблемы тогда существовали, как бы он ужесточил законодательство и вообще навёл бы порядок. Но кому какое дело? Женщина думает, что надо бы куда-то выбраться с подружками, посидеть, поболтать.

ЖЕНЩИНА. Дети, омлет готов. *(улыбаясь)* А ты себе сам приготовь что-нибудь, патриций, мне пора на работу.

Целуются. Мужчина всё ещё сидит на табуретке, дети, набрав в рот воды, плюются друг в друга. Мама проходит мимо, целует каждого в лоб, проводит рукой по щеке и говорит:

МАМА. Идите кушать, мне пора на работу.

МУЖ. А ты ничего не будешь? *(Вспоминает Муж)*

ЖЕНА. Я по дороге чего-нибудь перехвачу.

ПЕТР. А в школу нас Папа поведёт?

ОТЕЦ. Поведу, конечно.

Дети бегут на кухню, хватают сковородку, ставят на пол и начинают быстро отламывать куски от немного остывшего омлета руками, стараясь не обжечься о сковороду.

ПЕТР. Пап, а мы зайдём в книжный?

ОТЕЦ. А? Да, да.

Пока Петя задавал вопрос, второй Петя уже доел яичницу.

ПЕТР. Чур кто последний прибежит в ванную, будет мыть сковородку.

И они убегают, слегка толкаясь, обратно в ванную. Мама тем временем надела (или одела, тут как посмотреть) платье, или что-то ещё, в чём она собралась на работу, дошла до прихожей, выбрала туфли, кроссовки или ботинки, одела (или надела) их, посмотрела прогноз погоды, убедилась в том, что правильно оделась (или наделась, так вообще можно сказать?) и, надеясь на отсутствие пробок, вышла из квартиры.

МАМА. До свидания, Пети, до встречи

Но имени мужчины мы не слышим. Странно, к чему бы это?

Она спускается на лифте на первый этаж, открывает дверь, ей тоже выйти не даёт всё тот же (или другой) Человек в форме.

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Выход запрещён

ЖЕНЩИНА. Здасьте приехали запрещён, дай пройти, козёл!

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Милочка, аккуратнее, я при исполнении.

ЖЕНЩИНА. Я тебе сейчас так исполню, какая я тебе милочка?

И Человек в форме заталкивает её известным манером обратно в дом. Звук всё тот же.

ЖЕНЩИНА. Нахал! Хамло!

К ней подбегает Дудович, запыхаясь, он слышал, как открылась дверь, и бежал её предупредить. Впрочем, он сам расскажет.

ДУДОВИЧ (*Всё ещё запыхаясь*). Я слышал, как вы вышли из квартиры, и побежал за вами, вас предупредить, что там это, страж. Нельзя на улицу, говорит, приказом каким-то.

Но это всё мало кому интересно, зритель ждёт и хочет действия. Зачем так подробно описывать жизнь каких-то никому не интересных людей? Кто же их знает. Однако ситуация сама по себе интересная. Живёте вы себе живёте жизнь, а вам выйти не дают из дома, что такое?

В будущем события будут развиваться быстрее, а то не выдержит зритель семь дней сидеть, пока эти дома сидеть будут. А вот часа полтора посидеть – это можно. Если с перерывом, то три, но это не каждому по силам (или под силу, как правильно?). Хотя я слышал, что есть какой-то спектакль, который двадцать четыре часа шёл, а может и больше, не знаю. Словом, долго ли коротко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро мы так к сути подойдём.

Женщина, расстроенная, бежит обратно в квартиру, где тем временем Муж ест мороженое, дети, конечно, тоже. Дудович тоже возвращается в квартиру, но в свою. Он по-прежнему в шоке и бездвижен. Сложно наблюдать, когда одновременно в разных местах люди что-то делают, приходится выбирать, что важнее, а кому это нужно? А что было бы, живи в девятиэтажном доме не восемь человек, а, например, сто, как тогда? Это же невозможно, это хаос начнётся и того гляди сюжет сломается. Может в других домах и живёт по сто человек, а у нас вот только восемь, такой вот дом, так уж тут вышло. Там раньше может и жили люди другие, но как-то то ли эпидемия, то ли война, то ли ещё что, то ли просто разъехались кто куда, а сдавать квартиры не стали. Странная, словом, ситуация, но так уж вышло. Оно и хорошо, что так вышло, нам иначе не рассказать, что же там дальше было.

В квартире Петровых сцена, Жена что-то кричит, жалуется, плачет, Муж. Да, Муж, ничего не понимает. Дети тоже кричат, чего уж тут. Может и Петровна кричит, кто знает. Стены тонкие, слышимость высокая. Глядишь и остальные проснутся из-за этого. Разве что Профессор Штайзер достаточно далеко живёт, чтобы не слышать. Потом Муж понемногу начинает понимать и одевается, чтобы пойти разобраться, Жена боится, что его побьют. Муж говорит ему за ещё один прогул голову оторвут.

МУЖ. Если я ещё раз работу пропущу, мне начальство голову оторвёт.

ЖЕНА. Ну иди, попробуй.

Спускается вниз по лестнице. Стоит возле двери. Поднимается обратно, так и не открыв дверь, сталкивается с Дудовичем, который, ну вы знаете, бежал предупредить.

ДУДОВИЧ. Я повторяю одно и то же, зритель уже знает, что я говорю, притворитесь, что я вас предупредил.

МУЖЧИНА. Понял, спасибо.

Поднимается обратно. Звонит на работу (У него связь почему-то ещё работает, видимо другой оператор).

МУЖЧИНА. Здравствуйте, это ... (имени почему-то опять не слышно), я... Что? Да? Хорошо.

Словом, выясняется, что на работе его сегодня почему-то и не ждут. Оно и к лучшему. Ну и у него связь потом, конечно, тоже обрывается, такое время.

Но сцена и так затянулась, так что свет резко гаснет, а когда зажигается, действие уже другое, сцена другая, день другой, время другое, словом, всё другое, только персонажи те же. Пожар. Горит квартира Дудовича на 7 этаже, не просто квартира горит, весь этаж горит, окна лопаются, ярко, громко, страшно. Все толпятся внизу. Человек в форме никого не выпускает. Поговорить с ним вызывается Петровна.

ПЕТРОВНА. Ну мы же задохнёмся все, дайте хотя бы на улицу выйти!

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Ничего, дым наверх поднимается, а вы внизу, там и сидите. Пожарная скоро приедет.

Дудович бегает по лестнице и кричит:

ДУДОВИЧ. ПОЖАР! ПОЖАР! ПОМОГИТЕ, СПАСИТЕ!

ДУДОВИЧ. Если вы нас не выпустите, я прыгну (*Дудович поднялся уже на пятый этаж и открыл окно*)

ПЕТРОВНА (*бубнит*). Вот, негодяи, до чего человека довели, до чего человечество довели!

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Что?

ДУДОВИЧ. Я ВЫБРОШУСЬ, ПРЫГНУ, ГОВОРЮ! ВАША СМЕРТЬ БУДЕТ НА МНЕ!

ПЕТРОВНА. Вот если бы в самом деле порядок навести хотели, так ведь нет же, вы же только власти хотите...

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Тише вы. (*Дудовичу*) Не слышу вас.

Дудович прыгает и исчезает где-то под землёй. Приезжают пожарные (Люди в форме), забегают на 7 этаж, тушат всё снаружи и внутри, закладывают динамит и аккуратно подрывают 7 этаж, теперь этажей 8, пожарные уезжают. Откуда-то снова прибегает Дудович

ДУДОВИЧ. ЕСЛИ ВЫ НАС НЕ ВЫПУСТИТЕ, Я ВЫПУЩУ КРОВЬ. Я ВСКРОЮ ВЕНЫ. У МЕНЯ СТЕКЛО В РУКАХ, Я МОГУ ЭТО СДЕЛАТЬ.

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Я не сомневаюсь.

ДУДОВИЧ. Ну так вы нас выпустите?

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Вы же и так снаружи.

ДУДОВИЧ. Но я что-то внутри забыл! (*пауза*) Ах да, пиджак. Я без пиджака не пойду. Пустите меня, а не то я вскрою вены!

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Ну зайдите, заберите.

Дудовича пропускают внутрь, он сталкивается с Профессором Штайзером недалеко от лестницы.

ПРОФЕССОР ШТАЙЗЕР. Кто-нибудь вам говорил, Дудович, что вы непроходимый человек, лишённый всякого рода способностей к рациональному анализу?

ДУДОВИЧ. Да, конечно, несколько дней назад, когда я ходил в кондитерскую и там столкнулся с каким-то. Но я склонен полагать, что в той ситуации таким вот, как вы описали, всё же таки был он.

ПРОФЕССОР ШТАЙЗЕР. Вы непроходимый болван, тупица, бездарь, глупец, я не хотел вас оскорблять, но вы сами меня вынудили.

Дудович краснеет, раскаляется, сжимает челюсть и кулаки, хочет что-то ответить, но сдерживается.

ШУСТРЯК. Извините, скажите, а как сейчас обстоит дело с больницами?

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. Они работают по расписанию

ШУСТРЯК. А можно туда как-то попасть, не вскрывая вены?

Дудович тем временем снова в окне пятого этажа, пиджака ведь нету, он исчез вместе с квартирой и этажом. В руках у него большой кусок стекла

ДУДОВИЧ. Я ВЗРЕЖУ СВОИ ВЕНЫ И СБРОШУСЬ ВНИЗ! А ВАС, МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, ОБВИНЯТ В ПРЕСТУПНОЙ ХАЛАТНОСТИ!

ЧЕЛОВЕК В ФОРМЕ. В условиях чрезвычайной ситуации правила ежедневной интеракции не действуют.

Дудович вскрывает вены и бросается вниз, пока он летит, бригада медиков в форме подбегает к месту падения и ловит его на специально изготовленную для этого ткань. Дудовича уносят, кажется, мы его больше не увидим.

Но вдруг начинает моргать свет. Медленно, потом быстрее. Зрителям опять становится скучно, одно и то же. Драмы, бытовуха, какие-то вечные сюжеты. Пока свет моргает, из окна своей квартиры Шустряк аккуратно свешивается на землю и убегает вдоль дома в неизвестном направлении. Он бежит в роддом, располагающийся примерно в 15 минутах медленным шагом от дома, но, поскольку ему приходится скрываться и ходить дворами, путь занимает чуть больше 20 минут.

Откуда-то с крыши дома свешивают большое полотно, которое своим видом даёт понять, что это больше не дом, а роддом, крест красный обязательно где-то на пороге. Внутри, конечно, видно рожаящих женщин. В каждом окне. Все как одна. Крики младенцев, истошные крики рожаящих, шум бегающих по коридору врачей и медсестёр, переговариваются, совещаются. Свет всё моргает, превратившись в эту старую коридорную лампу, которую никак не могут поменять и которая всех раздражает.

ГОЛОСА. Обезболивающее в третью палату

-В шестой отошли воды

-Мне нужен ассистент в двадцать четвёртой

-Кесарево в двенадцатой

-Скальпель, зажим, щипцы

Возле входа, как водится, стоит Человек в форме. Шустряк заглядывает в окна, стараясь не попасться ему на глаза, высматривает какую-то определённую девушку. Звуки прилива, волны, плескаясь о берег, плещутся. Шустряк, забираясь по стене, лезет на пятый этаж в окно, оно закрыто, он стучит, Женщина кричит, он кричит, Человек в форме стреляет, Шустряк падает и исчезает. Волны всё плещутся. Это небезопасно, но все понемногу разбирают первый этаж, полотно падает, его уносят те же люди в форме, дом уже семиэтажный.

Собирается домовое собрание в пустой квартире на втором, теперь первом, этаже. Совещаются.

ЖЕНЩИНА. Нам надо выбежать из разных окон в разные стороны.

МУЖЧИНА. А что потом?

ЖЕНЩИНА. Или надо снова устроить задымление, чтоб уже на первом этаже дышать было невозможно.

ПЕТРОВНА. Надо связаться с другими, надо поднять восстание.

МУЖЧИНА. Да, да. Не смогут же они блокировать телеграф, например.

ЖЕНЩИНА. Мы не заслуживаем права жить!

ПЕТРОВНА. У меня есть партизанский опыт, я в подвале голодала, питаюсь одной картошкой.

МУЖЧИНА. Отлично, нам это пригодится!

ПЕТРОВНА. Профессор, а вы что думаете?

ПРОФЕССОР ШТАЙЗЕР. Для начала нам нужно построить базовую сетку различений, исходя из которой мы будем предпринимать те или другие интеллектуальные шаги к пониманию того, что является собственно объектом нашего исследования. В социологии существует два разных подхода к понятию права как такового, первое из этих понятий отсылает нас к классике социологии Альберто Мозурины, который в своём монументальном труде “Нелёгкий труд познания” понимает право, как совокупность деяний, бездействий и претерпеваний, существующих в определённой рамке, находящийся в голове каждого человека, то есть право, как практика, право как то, что люди делают, находясь в рамках права. Другая же ветка начинается с другого классика социологии, Джона Кроу, она концентрируется на праве, как на системе выраженных устно и письменно наборов правил повседневного взаимодействия. То есть в первом случае мы имеем дело с некоторой предустановленной в каждом нормой, из которой строится право, а во втором случае право является уже договором о создании такой нормы, формированием закона. Майкл Лондр, в свою очередь, предпринял попытку объединить эти две интеллектуальные традиции, сделать так называемое снятие, результатом чего явилось нынешнее понимание права, как того, что никому не интересно, но все, однако, следуют его законам, даже если до конца не понимают их генезис. В данном же случае нас интересует вот какой аспект. В случае, если человек или группа людей намеренно нарушают право, они начинают считаться преступниками, то есть теми, кто посягает на основы общественного устройства, в случае же, когда эта группа достаточно велика и составляет по разным подсчётам от двадцати до шестидесяти процентов от всей массы общества, к которому применяется это право, они становятся так называемыми революционерами и под их давлением норма меняется без разрушения общества. Так что в том, что касается ответа на ваш вопрос, вам нужно найти достаточное количество желающих нарушить появившуюся норму для того, чтобы не получить наказания за её неисполнение.

ЖЕНЩИНА. Прекрасно, Профессор, прекрасно!

МУЖЧИНА. Мольто браво!

ПЕТР. Брависсимо!

ВТОРОЙ ПЕТР. Ле пикъяли во ле шато!

ПЕТР. Ле пердю ля баталь...

Марсельеза, они включают запись Шарля де Голля 1942 года. Речь звучит, звучит, свет бледнеет и окончательно гаснет.

А может пожара и роддома не было. Муж с женой и детьми спокойно смотрят Короля Льва. Дети сидят на полу, родители на диване. В какой-то момент они оба тихонько уходят на кухню, ставят чайник, делают чай. И они говорят, говорят по-настоящему. Тепло, искренне, обсуждают то, что недообсудили, делятся переживаниями, планами, стараются построить какое-то более устойчивое будущее. Но всего этого нам не слышно, это только между ними. Мультфильм заканчивается, дети переворачиваются на спины и, глядя в потолок, мечтают. Так спокойно, тихо, хорошо.

В гости к ним заходит Петровна, ей одиноко, но она как бы случайно зашла, то ли за солью, то ли ещё чего не хватает. Они приглашают её внутрь, наливают чаю.

ПЕТРОВНА. Вот ведь что. Десять лет живём соседями, а не заходили ни разу. Это у вас там кто на фотокарточке?

МУЖ. Это мама.

ПЕТРОВНА. Давно?

МУЖ. Три года месяц назад было.

ПЕТРОВНА. Какая красавица!

ЖЕНА. Да, потрясающая женщина.

Пауза. Все трое молча смотрят на фотографию на стене. Петровна тихо плачет.

ПЕТРОВНА. Спасибо, ребятки.

ЖЕНА. Вам спасибо.

ПЕТРОВНА. Надеюсь, Бог всё-таки есть. И рай тоже. А то так. *(вытирает слёзы, продолжая плакать)* Простите. У меня..

Жена её обнимает. Муж зажигает ароматическую свечку

Мы с детьми по райскому саду
И в припрыжку, втроём домой
Перелезем через ограду
Рай, к сожаленью, не мой

И растут, всё грустнее, дети
И не очень-то рвутся на свет
А там, за оградой, в клетки
Наш Господь на бумажной ленте
Карандашом написал Завет.

Свечка затухает. Профессор молча сидит над статьёй, окружённый книгами, выписывает цитаты, пытается собраться с мыслями, составить цельное повествование. Тема статьи – изменения бытового поведения людей при радикальной смене обстоятельств.

Петровна сидит одна напротив окна. Ночь. Петровна открывает широко окно, смотрит вниз. Захлопывает окно и издаёт звук, похожий на сдавленный вой. Ноги подгибаются, она оказывается на полу, бьёт руками по батарее, полу, ножкам стула, стола. Руки уже очень болят, и она сворачивается в позу младенца и затихает.

ДЕЙСТВИЕ ПОСЛЕДУЮЩЕЕ

Дальнейшие сообщения передаются азбукой морзе. Бьют барабаны, звучит голос подполья. Во всей округе зажигаются и гаснут окна, светом окон пишутся буквы, слова, предложения. Непрерывный стук ставен, каблуков, молотков. Кто-то красит плакаты, кто-то вытаскивает из ножек стульев кольца, кто-то плавит ножи.

ГОЛОС. Если вы слышите это сообщение, значит вы и есть сопротивление. Мокайте чай в печенье, протестуйте, как можете. В четверг в четыре часа ночи все, каждый, зажжёт свечку напротив окна, так мы узнаем, что нас много. В пятницу же, или субботу, или в крайнем случае воскресенье, в те же четыре часа одновременно из всех домов города мы выберемся на улицу, и никто не сможет нас остановить. Да они и не посмеют, нас слишком много, мы слишком сильны.

Пока происходит эта сцена, из рации Человека в форме звучит сообщение, он, услышав сообщение, уходит. Возле дома, впервые за долгое время, нет никого. Ровно в четыре часа все жители дома вырываются на улицу, дом взрывается окончательно, обнажая толпу, тьму людей на улице. Они скандируют лозунги, кричат.

ГОЛОСА. -Долой беспредел, хотим свободу.

-Никакой свободы врагам свободы

-Мы не будем рабами.

-Анархия мать порядка

-Каждому петуху своя грядка

-Лучше быть здоровым, чем умереть от эпилептического припадка

На улице, кроме них, нет никого.

ГОЛОСА. -Все на площадь

-Давайте снесём все памятники!

-Забудьте про памятники, главное – это власть

-К дому правительства!

-К дому правительства.

Где-то вдалеке появляется силуэт дома правительства, толпа движется туда, в руках у них факелы, коктейли молотова, шипастые доски и другие хитрые изобретения. Они срывают с дома правительства плакат, на котором нарисован дом правительства, забегают внутрь, громят, кричат, ломают стёкла. Но и там, внутри дома, нет никого.

ГОЛОСА. -На первом чисто

-на втором чисто

-на третьем чисто

-на четвертом чисто

-на пятом чисто

-на шестом чисто

-на седьмом чисто

-на восьмом чисто

-на девятом чисто

-на крыше чисто

Молчание, люди переминаются с ноги на ногу, оглядываются по сторонам, разглядывают траву, небо, стены дома.

КТО-ТО. Ну что, друзья, мы победили!

КТО-ТО ДРУГОЙ. Да, победили!

КТО-ТО ТРЕТИЙ. Ура!

ГОЛОС. Да здравствует революция!

ЕЩЁ ОДИН ГОЛОС. Для новых людей новый порядок!

ГРОМКИЙ ГОЛОС. Долой бюрократию и размывание ответственности!

ЛИРИЧЕСКИЙ ГОЛОС. Мы будем переходить дорогу на тот свет светофора, на который захотим! И вообще, не будет больше светофоров, будет только любовь!

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ГОЛОС. Фильмы мы будем читать, а книги смотреть. А музыка. Музыка больше не нужна, мы сами станем музыкой!

ПАТЕТИЧЕСКИ-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГОЛОС НАРОДА. Века угнетения позади, впереди только свобода!

На крышу выходит человек в жёлтом плаще, в нём, возможно, узнаются черты кого-то, но как-то непонятно, вроде не он. Хотя определённо сходства имеется, и, если посмотреть на него в другой одежде, в другом свете, другой обстановке, он может напоминать, быть похожим на этого, на...

ЧЕЛОВЕК. Во славу народную споём мы песню!

ВСЕ ВМЕСТЕ (Хором. Музыка ритмическая, революционная. Барабаны, литавры, труба).

Светится в небе горячем звезда,

Плавятся нравы и наша еда.

Славному городу - славный герой,

Пой моя улица, город мой пой!

Льётся песня, льются звуки,

Поднимайте выше руки,

Голос звонкий и протяжный,

Разрушает старый мир...

Разрушает старый мир!

И свет не погаснет, и мышь не пройдёт,

И всё не напрасно, и нам повезёт,

И смотрим мы прямо на жизни полёт,

И весело, здорово, и радость нас ждёт!

Льётся песня, льются звуки,
Поднимайте выше руки,
И дойдём мы до конца,
До победного конца!

Вдоль по дорогам и вдоль всех домов,
Гамельнский старый идёт крысолов,
Люди собрались, забыв всех богов,
Завтра настанет эпоха цветов!

Льётся песня, льются звуки,
Поднимайте выше руки,
И все вместе, на века,
Троекратное скажем -Ура!

-Ура!

-Ура!

Ура расползается, ширится, звучит, усиливается, басы, сопрано, всё звучит. Протяжное Ааааа, весь город, весь мир сливается в экстазе революции. Люди набирают воздуха, продляют это А, ещё, ещё, оно всё летит и всё длится. Тридцать секунд, тридцать одна, тридцать две, тридцать три, тридцать четыре, и так далее, чтобы понятно было, что ну долго длится, всё дальше и дальше, какие-то дальние северные голоса подключают свой йодль. Минута, пространство кончается, время исчезает, существует только большое, великое, величайшее А в истории. С новой силой, ещё, ещё, люди давят, на пределе возможностей поют, кричат уже даже это А. Снова, снова, не останавливаясь, не прекращая. Вот он, новый мир, вот она, гармония, вот оно совместное продуктивное существование, радостные люди смотрят друг на друга, кричат, поют, строй сбивается, теперь каждый кричит в своём ритме. Ура! Ура! Ура! Они прыгают, смеются, обнимаются, некоторые в экстазе от переизбытка эмоций опускаются на землю, все хотят что-то сделать. Понемногу Ура затихают, люди отходят от эмоционального пика, оглядываются, оглядывают друг друга, смотрят, задают своим взглядом вопросы. Что, мол, дальше? Стоят, молча. Пауза. Кто-то снова хочет сказать какую-то важную вещь, но осекается.

КТО. Мы, ...

ЕЩЁ. Больше не бу...

МЫ. Единств... *(Пауза)*

КТО-ТО ДРУГОЙ. Ой! Вы представляете, что, друзья мои, я что-то очень важное дома забыл... Точно, да! У меня там чайник на плите стоит! Вот что. Я пойду.

КТО-ТО ТРЕТИЙ. Да!

ГОЛОС. Иди же, все мы важны, всё важно! Каждый голос, каждая маленькая проблема и забота.

КТО-ТО. Да, истинно так, именно так и есть! (Пауза) А ведь я, я, знаете, я, дорогие мои, я там книжку не дочитал, очень интересная. Про этих, про осознанных людей. Пойду, продолжу.

ДРУГОЙ ГОЛОС. Да, книги, книги – это вещь!

КТО-ТО ЕЩЁ. Я это... Вот... Пойду... Пока.

КТО-ТО ТРЕТИЙ. Пока.

КТО-ТО ПОСЛЕДНИЙ. До скорой встречи.

По одному, потихоньку, они расходятся. Медленно, неловко. Площадь (Если это была площадь, а это скорее улица) пустеет, ни остаётся ни одного следа их пребывания, кроме разбитых окон, конечно, но и их сейчас поменяют, ничего страшного. Параллельно происходящим событиям, через небольшое время после ухода Человека в форме, возвращается Дудович, садится на холодный металл возле дома.

ДУДОВИЧ. У жертв революции есть два пути, героизация и забвение. Ты либо символ протеста, либо поверженный угнетатель, либо... либо просто случайный человек, тот, кто попался под руку, вышел из дома не в то время. Несчастный случай. На тебя может упасть кирпич, может сбить машина, может смести революционной толпой. Или тебя примут за кого-то другого, врага, препятствие, угрозу. Но когда случайность, я понимаю, авария, несчастный случай. А когда не случай, когда люди, когда специально, рукотворно, намеренно. Тогда я не понимаю. Я не понимаю борьбы, не понимаю жертвы, не понимаю, как можно, ради чего... Я предпочёл бы жить в несвободе, чем пасть жертвой большого движения к свободе. К чёрту свободу!

К подъезду дома подходит Профессор Штайзер, долго стоит возле подъездной двери, бубня себе под нос:

ПРОФЕССОР ШТАЙЗЕР. На протяжении многих лет рассказываешь людям одно и то же, а они как будто не слышат. И как тут не потерять смысл?

И он, набрав код, заходит в подъезд и поднимается по лестнице медленно на девятый свой этаж. Дудович встаёт, молча, из своего плаща достаёт ключ, подносит к кодовому замку, открывает дверь, заходит внутрь и поднимается уже на лифте на седьмой этаж. За Дудовичем следует семья Петровых, Ивановых или Сидоровых. Отец Петрова несёт авоську из продуктового магазина. Мама Петров несёт такую же, на детях рюкзаки. Пётр оборачивается на родителей, улыбается, набирает код, открывает дверь, все входят внутрь. Пётр ещё раз оборачивается, уже на Петровну, улыбается ей, входит. Петровна добегаёт до двери так, что успевает схватить ручку до того, как магнит соединится, заходит.

Шустряк не приходит.

На этом сцена заканчивается. И день тоже заканчивается. Тишина.

На этом заканчивается и всё действие. Вот такой вот незамысловатый круг. Автор снимает тапочки и ложится на кровать. Щёлк, и свет гаснет. Вот теперь точно конец.

Вильнюс, Декабрь 2023